

Жун Цзянь: Спасите... Мне мужчины не интересны...

Мин Е: Правда?

Когда Мин Е вернулся с чаем, Жун Цзянь уже был в павильоне в центре озера. Он сидел за столом, держа в правой руке кисть, только что усердно растёр тушь, но из-за неопытности на рукаве осталось несколько пятен. Он притворился, будто долго и усердно занимался.

Мин Е налил чашку свежего чая и подал её Жун Цзяню.

Пока пил, Жун Цзянь увидел в отражении на поверхности чая нижнюю часть своего лица и на мгновение застыл.

Помада снова исчезла...

Однако он уже не был тем Жун Цзянем из прошлого, теперь он был полностью готов.

Жун Цзянь не спеша достал из мешочка железную коробочку, открыл её — внутри была почти нетронутая помада.

Мин Е наблюдал за этим.

Жун Цзянь протянул руку: на большом, указательном и среднем пальцах остались следы туши, поэтому он использовал безымянный палец, чтобы зачерпнуть немного, отвернулся и осторожно нанёс на то место, где помада стёрлась.

Цвет помады был чистым ярко-красным, она постепенно растушёвывалась, покрывая губы тонким слоем красного.

Через некоторое время Жун Цзянь поднял лицо, посмотрел на Мин Е, слегка сжал губы, издав тихий звук «чмок», и небрежно спросил:

— Как, нормально?

Вокруг было тихо, взгляд Мин Е остановился на его лице, но он ничего не сказал.

По сути, Жун Цзянь был всего лишь недавно переодетым в женское платье парнем, у него не было глубокого понимания древних различий между мужчинами и женщинами.

Его мысль была проста: здесь нет зеркала, вода в чашке не даёт чёткого отражения, и как раз рядом есть человек, который может дать совет, поэтому он и спросил.

Жун Цзянь не видел в этом ничего странного и снова спросил:

— Разве нет?

Мин Е медленно нахмурился.

«Подошёл к окну, улыбнулся, поддержал, спросил, брови нарисованы ли в моде?»

Невеста спрашивает жениха, модны ли её брови, певица спрашивает гостя, подходит ли цвет её губ, чтобы получить чаевые. Но Мин Е знал, что Жун Цзянь не был женщиной и не делал это намеренно, он просто не понимал скрытого смысла.

Его просто немного удивляло, откуда взялся Жун Цзянь, такой наивный и не знающий мира.

Мин Е сказал:

— Хорошо.

Затем добавил:

— Впредь Ваше Высочество лучше не делать этого перед другими.

Жун Цзянь не уловил сути, он оправдывался:

— Это всё потому, что эта штука слишком легко стирается, я уже очень осторожен!

Помада — заклятый враг Жун Цзяня. Хотя он и сам был немного виноват, но в основном проблема заключалась в том, что древние технологии были слишком примитивны и не могли удовлетворить его объективные потребности.

Жун Цзянь вспомнил свои дни работы в торговом центре, где видел множество брендов, рекламирующих стойкую помаду, которая не оставляет следов на чашках. Раньше он не понимал, зачем это нужно. Теперь же он наконец осознал, насколько важна стойкая помада.

Жун Цзянь пробормотал несколько жалоб, а Мин Е спокойно слушал.

Прошло ещё немного времени, и Жун Цзянь наконец остановился, слегка смущённо сказав:

— Учитель, наверное, пора начинать урок?

Мин Е согласился.

Вскоре Жун Цзянь пожалел, что вообще заговорил об этом, почему бы не отдохнуть ещё немного. К тому же Мин Е выглядел спокойным и уравновешенным, но когда указывал на его ошибки, был безжалостен. Чтение причиняло ему страдания, он ненавидел читать.

На следующий день был девятый день девятого месяца, праздник Чунъян, время подниматься в горы и любоваться хризантемами.

Вдовствующая императрица хотела молиться Будде, император устраивал пир, кабинет закрылся, Мин Е ушёл в отпуск домой. Жун Цзянь дал выходной всем маленьким служанкам и евнухам, а также немного серебра, чтобы они устроили пир в кухне.

Тетушка Чжоу и подавно, Жун Цзянь выбрал для неё несколько украшений.

Что касается самого Жун Цзяня, то он действительно взял выходной, запер двери своей спальни и пролежал в постели весь день.

*

Мин Е встретился с Чжоу Чжаоцином на берегу озера Цзиньшуй.

На этот раз речь шла о внучатом племяннике вдовствующей императрицы.

Тому господину Сюй, похоже, не повезло: на водном пути он столкнулся с речными бандитами, потерял деньги и багаж, к счастью, сам не пострадал, а так как он был членом императорской

семьи, местные чиновники устроили большой пир, чтобы утешить внучатого племянника вдовствующей императрицы.

Кроме того, управляющий должен был вскоре прибыть в Шанцзин.

Управляющий руководил огромным торговым домом Ваньлай, большую часть времени проводил в разъездах, его местонахождение было неизвестно или, можно сказать, он намеренно скрывал его.

В Шанцзине было три младших управляющих, Чжоу Чжаоцин был одним из них, благодаря своему доверию и гибкости в делах именно он занимался связями с Мин Е.

Мин Е сказал:

— Когда управляющий прибудет, у меня с ним будут важные дела для обсуждения.

Чжоу Чжаоцин отпил вина:

— Естественно, вы с управляющим давно не виделись.

Мин Е проверил бухгалтерские книги — не только доходы и расходы торгового дома, но и недавние секреты двора, быстро пролистал их, а затем дал несколько важных поручений Чжоу Чжаоцину.

Однако одно из них вызвало у Чжоу Чжаоцина недоумение.

Он взял рисунок, посмотрел на него, увидел на бумаге два иероглифа «тушь для бровей» и, естественно, подумал, что это женский макияж, высказал своё мнение:

— Что это? Почему она такая длинная? Сейчас тушь для бровей помещают в раковины, что удобно для женщин, чтобы держать и рисовать брови. Длина как у кисти, снаружи раковины отшлифованы и склеены в круг, использовать её слишком неудобно.

Мин Е посмотрел на него:

— Пусть мастер попробует.

Чжоу Чжаоцин продолжил:

— А ещё стойкая помада? Знатные дамы очень аккуратны, зачем специально делать такую. Мои сёстры на пиршествах от начала до конца помаду не трогают.

Действительно, большинство людей уже привыкли к современной моде на помаду, но есть и такие, как Жун Цзянь.

Чжоу Чжаоцин всё больше сомневался, он подумал и пришёл к ужасному выводу:

— Господин, неужели вы влюбились в какую-то девушку и делаете это, чтобы угодить ей?

Это было действительно неподходящим. С таким статусом и обязанностями, как у Мин Е, нельзя было позволить себя раскрыть, если он будет сбит с толку чувствами, последствия будут ужасными.

Мин Е полуприкрыл глаза, его выражение оставалось нейтральным — будь то указания или

вопросы, он не проявлял никаких эмоций. Чжоу Чжаоцин долго смотрел на него, но не увидел ни капли юношеской влюблённости и решил, что это маловероятно.

Мин Е постучал костяшками пальцев по столу, он спокойно сказал:

— Это может пригодиться.

Раз Мин Е так сказал, Чжоу Чжаоцину пришлось относиться к этому как к серьёзному делу. Перед уходом он ещё немного поворчал, сказав, что на праздник Чунъян вся семья отправилась в горы, а он один остался заниматься делами, это просто ужасно.

Мин Е не обращал на него внимания, позволил ему жаловаться, а когда тот ушёл, ещё полчаса провёл на берегу озера.

Только что он просмотрел то, что передал Чжоу Чжаоцин, там были намёки, слова, сказанные Фань Жуюем и другими в тот день, всё было изложено дословно, ничего подозрительного.

Но отсутствие подозрительного было самым подозрительным.

Он вспомнил, что говорил Жун Цзяню во время занятий.

— Ваше Высочество знает, что такое «пытка железным гребнем»?

Жун Цзянь выглядел растерянным:

— Пытка железным гребнем? Это как наносить макияж?

— Это наказание: спину обваривают кипятком, а затем сдирают кожу железным гребнем.

Жун Цзянь, казалось, испугался, он был не из храбрых, такие вещи, казалось, вызывали у него естественный страх, он медленно сказал:

— Это... слишком больно...

Он не знал.

Мин Е смог убедиться.

В тот день было пятеро стражников, среди них, кроме Фань Жуюя, Жун Цзянь приказал секретарю Се лишить только их месячного жалования.

Почему он так поступил? Должно быть, Фань Жуй сделал что-то более серьёзное, что Жун Цзянь не смог терпеть.

Что знал Жун Цзянь, а что нет?

В свои девятнадцать лет, до того как покинуть дворец, Мин Е сам подвергся пытке железным гребнем под руководством Фань Жуюя. Шрам на лице был лишь небольшой частью, видимым следом.

Он, казалось, был напуган.

Как будто мягкий, защищённый зверёк вдруг услышал о страшном мире снаружи, где его в любой момент могут съесть, и почувствовал страх.

Намерением Мин Е было проверить, а не напугать или причинить вред, но такой Жун Цзянь — хмурящийся, моргающий, испуганный — был неожиданно забавным.

— Это очень больно, немногие выживают.

Мин Е сказал это.

Жун Цзянь стал ещё более напуганным, он дрожащим голосом спросил:

— Откуда ты знаешь?

Он улыбнулся, намеренно сделал паузу:

— Конечно... это просто шутки среди стражников.

Жун Цзянь наконец расслабился, с оттенком жалобы:

— Зачем ты меня пугаешь?

— Ваше Высочество разве не скучал?

— Скучать — это не повод пугать! Разве это весело?

«Учитель непременно должен побеждать разумом и поступать по справедливости, только тогда его будут уважать». — «Вёсны и Осени господина Люя», глава «Убеждение учиться».

Спасибо за чтение, оставляйте комментарии, разыграю двадцать красных конвертов!
Спокойной ночи!

<http://bllate.org/book/16310/1471441>